

НАРТСКИЕ СКАЗИТЕЛИ И ИХ ТЕКСТЫ: ПЛАТОН ДБАР И ЛАДИЯ ДЖАПЩБА

З.Д. Джапуа

Статья посвящена проблеме изучения сказителя – исполнителя нартского эпоса. Вопросы, связанные с исследованием эпического певца-сказителя, были актуальны всегда. В наше время особо актуализируются аспекты фольклорного знания сказителя, его мастерства и памяти, аспекты сохраняемости эпической традиции во времени, процесса исполнения текста, связи слова с жестом, мимикой, интонацией и проч. К сожалению, особенности личности и творчества сказителя недостаточно полно записывали и записывают до сих пор собиратели фольклора. Это, конечно, значительно ограничивает исследователя в изучении сказителя. Цель данной работы – осветить жизнь и характерные особенности фольклорного репертуара двоих абхазских сказителей, которые превосходно исполняли нартские сказания. Статья написана непосредственно по наблюдениям автора и записям во время полевой работы в июле 1987 г. и в июне 1996 г. в селе Мгудзырхуа Гудаутского района Республики Абхазия. Оба сказителя создали счастливую возможность записать не только их тексты, но и некоторые подробности своей жизни и богатого фольклорного репертуара. На этих полевых тетрадях и непосредственном общении в особой творческой атмосфере со сказителями и основывается данная статья. Оказалось, что между сказителями Платоном Дбаром и Ладией Джапщбой много общего, но при этом и немало различий, в том числе в форме и композиции изложения нартских сказаний. Данный опыт полевой работы с двумя абхазскими сказителями, их информация о себе и не только, как кажется, показательны для изучения мастерства других исполнителей кавказских нартских сказаний.

Ключевые слова: *сказитель, текст, нартские сказания, репертуар сказителя, память сказителя, мастерство сказителя, полевая работа.*

Невозможно в полной мере познать семантику и другие тайны фольклорного произведения без проникновения в подробную историю сказителя (биография, внешность, образ жизни и проч.), поведавшего нам бесценное произведение устной традиции.

Быть предельно точными, уважительно относиться к слову сказителя призвал еще в 1963 г. на Всесоюзной Сухумской конференции по проблемам нартского эпоса Ш.Д. Инал-ипа: «К сожалению, мы плохо изучаем их (абхазских сказителей – З.Д.) творчество, недостаточно точно и полно воспроизводим при записи то, что они рассказывают нам, не всегда учитыва-

ем, например, их отношение к эпосу» [1, 136]. В связи с тем же, Т.А. Хамицаева – в статье об исполнителях осетинского нартского эпоса – отмечала особую значимость материалов Г.А. Дзагурова, «который не ограничивался паспортными данными того или иного сказителя, но и описывал его внешность, давал сведения о занимаемом им месте в общественной жизни, о его учителях, учениках, воссоздавал обстановку, в которой происходила запись, делился впечатлениями своими и слушателей и т.д.» [2, 135]. Сегодня мы живем в третьем десятилетии XXI в., и только сейчас осознаем, что проблема сказителя и сказительства в целом в мире исследована не в полной мере. «Работа по записи эпических текстов редко сочеталась с работой по изучению певца – его отношения к своему репертуару, вопросам обучения, усвоения, особенностей исполнения, вариативности и проч., <...> “погоня” за новыми записями мешала длительным контактам исследователей с певцами» [3, 10].

Можно привести множество оправдательных причин, по которым этот вопрос так и остается не исследованным до конца. И в их числе, в частности, обстоятельства первой половины XX в., когда талантливого сказителя воспринимали наравне с писателем, создателем литературного произведения. Когда коллективизация состоялась, фольклористика, уже прошедшая стадию становления, определилась с проблематикой, изменился и взгляд на сказителя. С тех пор его стали воспринимать не как писателя, а как хранителя традиционных знаний, к тому же способного их воспроизвести. Нет сомнения, что сказителя нельзя приравнивать к писателю, но тем не менее сказитель не безличен, он развивает традиционный текст, рассказывает, передает, вкладывая свое отношение, сущность, эмоции. По сути, каждый его рассказ – это новый текст.

Как бы там ни было, абхазский сказитель продолжает оставаться явлением неизученным. Так сложилось из-за того, что с самого начала, собирая материал в поле, мои коллеги фиксировали лишь краткие паспортные данные информанта (имя, фамилия, место жительства, возраст). А непосредственно личностью сказителя, подробностями его жизни, за редким исключением, не интересовались. Да, собственно, и мои нынешние попытки написать подробные биографии абхазских сказителей тоже не отличаются полнотой. С другой стороны, это фактически реконструкция биографий, историй, уникальных инструментов, посредством которых абхазские сказители достигали своего мастерства. И этот процесс при отсутствии необходимых источников – весьма сложное занятие.

Я начал исследования в этом направлении, чтобы написать комментарии к полному собранию текстов абхазского нартского эпоса в семи томах. По возможности нахожу источники, содержащие хоть какую-нибудь

информацию о людях – исполнителях произведений абхазского нартского эпоса. К счастью, ученые, писатели, работники сферы культуры и журналисты оставили немало статей и очерков, в которых отмечали известных абхазских сказителей, долгожителей, черты характеров и индивидуально-го творческого мастерства каждого из них.

Во время полевых работ в районах Абхазии (1980–2020 гг.) и Республики Турция (2004, 2009–2014 гг.) я находил сказителей эпических текстов и записывал нартские тексты вживую. Мне удалось записать более 260 нартских сказаний от более чем 50 информантов, владеющих знаниями произведений нартского эпоса. Это представители когорты самых талантливых знатоков абхазского нартского эпоса, и от некоторых из их числа мне удалось записать (и это имеет особую научную ценность!) в разное время одни и те же нартские сказания.

Остановлюсь подробнее на сказительском мастерстве двух представителей этой бесценной когорты. Это Платон Дбар и Ладиа Джапшба.

Платон Басятович Дбар (1910–1987) родился и жил в селе Мгудзырхуа Гудаутского района. Мне довелось познакомиться с ним, когда он был уже в солидном возрасте (77 лет). Платон Дбар – сказитель с большим художественным дарованием и превосходной памятью, хранившей бесценный пласт текстов основных абхазских нартских сказаний.

Пересказывать нартские сказания, как он рассказал мне, он научился у друга – абазина по фамилии Жиба, приехавшего в Абхазию сразу после Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). По рассказам Платона Дбара, в юности они два года вместе пасли скот в горах. Жиба говорил ему, что свой репертуар – а это почти 300 текстов – он перенял от отца.

Мне довелось насладиться общением со сказителем Платоном Дбаром: он рассказывал тексты с удивительной легкостью, артистично, ритмично, плавно, непринужденно, словно играючи. Он обладал глубокими и обширными фольклорными знаниями, и это были произведения разных жанров, среди которых основное место занимали жанры эпические – нартские и героико-исторические песни и сказания.

Вне всякого сомнения, Платон Дбар – из числа сказителей с редким талантом. Его тексты легко поддаются расшифровке, стиль и язык поистине совершенны, понятны и лаконичны.

Наше знакомство состоялось 29 июля 1987 г. Я приехал к нему в Мгудзырхуа после полудня. Сказитель отдыхал в тени (мне сказали, что недавно он перенес операцию). Однако, как только он заметил меня и узнал, зачем я приехал, тут же взбодрился и встал. А уж когда я сказал, что учусь в Москве, в аспирантуре Института мировой литературы, и приехал к нему,

чтобы собрать полевой материал для своих научных исследований, ему это очень понравилось.

Меня поразил его вопрос: – Как ты будешь записывать мои рассказы, от руки?

Я, признаюсь, сначала растерялся. Как раз перед поездкой к Платону Дбару решил диктофон ему не показывать, а включить его незаметно, чтобы не нарушать естественной полевой атмосферы. Но когда сказитель спросил меня прямо, я признался, что буду записывать его на диктофон.

Он обрадовался и рассказал, что к нему часто приходят студенты, они записывают его сказания от руки, не успевают, постоянно прерывают и сбивают его с мысли. Я в открытую поставил перед ним диктофон, окрыленный тем, что сказитель сам предложил использовать в работе современный подход. Ведь один из главных принципов полевой работы ученого – ни в коем случае не прерывать сказателя, когда он рассказывает, чтобы не сбить его с толку и не испортить рассказываемое произведение.

Я почувствовал, что мы с Платоном Дбаром поняли друг друга, но он снова задал мне вопрос: – С чего мне начать?

– По вашему желанию! – с готовностью ответил я.

Он начал повествование с героико-исторического сказания.

Помню, что очень экономил батарейки в диктофоне и тем не менее решил после каждого рассказа сказителя давать ему прослушать финал текста. Он чрезвычайно воодушевился, услышав собственный голос.

Я сразу понял, что рассказанный им текст – редчайший и удача для меня как для ученого, на что он ответил: – Не то что очень хороший, не найти сейчас нигде такого произведения!

Так текст за текстом я записывал сказителя до позднего вечера. Мы буквально не сдвинулись с места. И на следующий день до полудня он продолжал рассказывать – талантливо, бережно и без усталости.

Между текстами вспоминал какие-то подробности своей жизни, рассказал, что сын его офицер, служит в армии за границей. Тогда откуда нам с ним было знать, что пройдет пять лет, и этот офицер, Сергей Платонович Дбар, вернется на родину как один из ее спасителей, станет в Отечественной войне народа Абхазии 1992–1993 гг. в качестве одного из командующих. Знать мы, конечно, этого не могли.

Стало вечереть, и нас, сидящих под деревьями, окружили индюки. Они то и дело издавали клокочущие звуки, стараясь перекричать информанта. Тогда он позвал супругу и сказал, чтобы отогнала индюков, а одного из них зарезала на ужин.

После этого сразу стало тихо, и мы продолжили работу.

Я записывал своего собеседника и за ужином, после тостов и выпитого красного вина он почувствовал вдохновение.

На следующий день по рекомендации Платона Дбара я направился по лесной тропинке к его другу, Ладию Джапцбе.

Ладиа Муратович Джапцба (1913–1998) тоже жил в селе Мгудзырхуа Гудаутского района. Высокий, стройный, статный, степенный. Ладиа Муратович был участником Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), дошел до Берлина, потом участвовал в Японской кампании. В то время ему было 74 года. Он обладал большими эпическими знаниями, прекрасной памятью и рассказывал очень образно, спокойно, голос звучал ровно, менял интонации он только в диалогах. Жестикулировал сказитель редко, диалоги особенно не выделял, очень следил за речью и ходом повествования. Богатые фольклорные познания и отличная память позволяли ему рассказывать развернутые сказания с несколькими сюжетами. Сказания о нартах он рассказывал (помнил их много), объединяя в одну композицию несколько сказаний (сюжетов), связанных с одним персонажем или близких друг другу по тематике. Если оценивать с научной точки зрения, то Ладию Джапцбе были свойственны развернутые контаминации мотивов, эпизодов и сюжетов. Поскольку сказитель владел знаниями в области нартских сказаний виртуозно, то с легкостью объединял различные эпические события в одно повествование. Я заметил, как менялось выражение его лица, когда он начинал говорить. Он делал паузу, останавливался в задумчивости, словно настораживался, готовил себя к эпическому повествованию, а слушателей – к восприятию сюжетов.

При том что репертуар Лади Джапцбы был богат сказками, мифологическими сказаниями, устными рассказами и проч., тяготел он к эпическим произведениям. Вне всякого сомнения, он – настоящий эпический сказитель.

По его собственному признанию, первые фольклорные знания он стал получать в двенадцатилетнем возрасте от деда, который не только рассказывал внуку произведения устной традиции, но и систематически проверял, как тот усваивает его репертуар.

Возможно, что на традиционный репертуар сказителя несколько повлияли книги (он умел читать). Это улавливается по некоторым мотивам и эпизодам текстов. Но даже если и присутствует некая доля «книжного» влияния, то она едва заметна. Основная составляющая репертуара Лади Джапцбы – это, несомненно, традиция.

Спустя восемь лет после первой встречи я снова побывал у Лади Джапцбы и сделал повторные аудио- и видеозаписи его текстов.

В нартоведении одни сказители передают тексты как самостоятельные, а другие стараются придать им некое логическое соответствие, и «оба случая бытования эпоса в народе одинаково распространены» [4, 21].

Платон Дбар и Ладиа Джапцба – сказители, блистательно продемонстрировавшие названные формы эпического (нартского) повествования. Оба сказителя передают содержание нартского эпоса почти одинаково, оба рассказывали мне почти одни и те же сказания. Как они разъяснили сами, нельзя снимать со счетов то, что они часто общаются и между ними уже возникло некое творческое согласие.

Довольно близкое соседство, тесное общение, почти одинаковый возраст, равноценные эпические (нартские) знания, творческое согласие – вот факторы, связывающие двух сказителей. Однако форма передачи сказаний у каждого из них индивидуальная.

Один из сказителей, Платон Дбар, при изложении сказаний не соблюдает никакой последовательности. После рассказанного им нартского сказания он мог перейти на любой другой жанр (сказку, героическое сказание, предание, анекдот и т.д.). Вспомнив то или иное нартское сказание, начинает рассказывать его отдельно, не связывая с текстом, рассказанным прежде. Другой сказитель, Ладиа Джапцба, построил рассказ о нартских героях в логической трансляции: все известные ему нартские сказания о том или ином герое (в виде цикла сказаний) представляет в традиционной последовательности и только после этого переходит к другим фольклорным жанрам.

Судя по всему, различие в передаче эпических сказаний зависит не только от памяти сказителя, но и от его настроения, физического и духовного состояния, и, конечно же, от характерных особенностей исполнения эпоса, унаследованных от «учителя», т.е. от самой устной традиции эпосотворчества.

1. *Инал-ипа Ш.Д.* Памятники абхазского фольклора: Нарты, ацаны (Сборник статей и материалов) / ред. Ш.Х. Салакая. Сухуми: Алашара, 1977. 199 с.

2. *Хамицаева Т.А.* Сказители осетинского нартского эпоса // Нарты: Осетинский героический эпос. В 3 кн. / сост. Т.А. Хамицаева и А.Х. Бязыров. М.: Наука, 1991. Кн. 3. С. 135–153.

3. *Путилов Б.Н.* Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 295 с.

4. *Аншба А.А.* Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса / отв. ред. Ш.Х. Салакая. Тбилиси: Мецниереба, 1970. 113 с.

Dzhapua, Zurab D. – Abkhazian Institute for Humanitarian Studies named after D.I. Gulia of the Academy of Sciences of Abkhazia (Sukhum, Republic of Abkhazia); zjap2016@yandex.ru

NART STORYTELLERS AND THEIR TEXTS: PLATON DBAR AND LADIA DZHAPSCHBA.

Keywords: *storyteller, text, Nart legends, storyteller's repertoire, storyteller's memory, storyteller's skill, field work.*

The article is devoted to the problem of studying the storyteller - the performer of the Nart epos. Questions related to the study of the epic singer-storyteller have always been relevant. In our time, aspects of the narrator's folklore knowledge, his skill and memory, aspects of the persistence of the epic tradition in time, the process of performing the text, the connection of a word with gesture, facial expressions, intonation, etc. are especially actualized. Unfortunately, the peculiarities of the personality and creativity of the storyteller were not sufficiently recorded and are still being disregarded by the collectors of folklore. This, of course, significantly limits the researcher in the study of the storyteller. The purpose of this work is to illuminate the life and characteristic features of the folklore repertoire of two Abkhazian storytellers who perfectly performed Nart legends. The article was written directly from my observations and notes during the field work in July 1987 and in June 1996 in the village of Mgudzyrkhua in the Gudauta region of the Republic of Abkhazia. Both storytellers gave me a happy opportunity to record not only their texts, but also some details of their life and rich folklore repertoire. This article is based on the field notes and direct communication in a special creative atmosphere with these storytellers. It turned out that the storytellers Platon Dbar and Ladia Dzhapschba have a lot in common, but at the same time there are many differences, including the form and composition of the presentation of the Nart legends. This experience of my field work with two Abkhazian storytellers, personal information about them and more, as it seems, is indicative for studying the skills of other performers of the Caucasian Nart legends.

References

1. Inal-ipa, Sh.D. *Pamyatniki abkhazskogo fol'klora: Narty, atsany (Sbornik statei i materialov)* [Monuments of Abkhazian folklore: Narts, Atsans (Collection of articles and materials)]. Editor Sh.H. Salakaya. Suhumi, Alashara, 1977. 199 p.
2. Hamitsaeva, T.A. *Skaziteli osetinskogo nartovskogo eposa* [Storytellers of the Ossetian Nart epos]. *Narty: Osetinskii geroicheskii epos. V 3-kh kn.* [Narts: Ossetian heroic epos. In three books]. Compiled by T.A. Khamitsaeva and A.Kh. Byazirov. Moscow, Nauka, 1991, b. 3, pp. 135–153.

3. Putilov, B.N. *Epicheskoe skazitel'stvo: Tipologiya i etnicheskaya spetsifika* [Epic Storytelling: Typology and Ethnic Specificity]. Moscow, Izdatelskaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1997. 295 p.

4. Anshba, A.A. *Voprosy poetiki abkhazskogo nartskogo eposa* [Questions of the poetics of the Abkhaz Nart epos]. Executive editor Sh.Kh. Salakaya. Tbilisi, Metsniereba, 1970. 113 p.